

Ли Цяньцзинь изо всех сил пробивался вперед, бесцеремонно расталкивая односельчан. Несколько человек покачнулись и едва не упали на землю, но парень даже не подумал извиниться — все его мысли были заняты исключительно трудоднями. Люди недовольно заворчали ему вслед.

К этому времени те из крестьян, кто пришел пораньше, уже успели сверить свои показатели с ведомостью. Не найдя никаких ошибок, они облегченно вздохнули. Но тут же обнаружилась любопытная деталь: все нестыковки и просчеты скопились исключительно на том листе, который повесил Ли Цяньцзинь. В таблице же, составленной Хань Дуем, все сходилось тютелька в тютельку.

Стоило одному заметить эту разницу, как новость мгновенно облетела толпу. Сельчане принялись перешептываться:

— Да быть не может! Сяофа ведь школу окончил, как он умудрился так напортачить с ведомостью?

— И что с того, что окончил? — отозвался кто-то из толпы. — Помню я, как он учился — лоботрясничал целыми днями, из двоек не вылезал. Да у нас неграмотные старики в уме быстрее считают, чем этот грамотей на бумаге!

— И то правда.

— Да и почерк у него — чистая курица лапой писала, ничего не разобрать.

— А вы на листы Хань Дуя посмотрите! Вот уж точно говорят: все познается в сравнении.

— Тс-с, потише вы!

Все эти ядовитые смешки долетали до ушей Ли Цяньцзиня. Он вытянул шею, пытаясь разглядеть таблицу, но на первый взгляд ничего подозрительного не заметил. Однако, судя по возмущению толпы, дело действительно было плохо. Парень в ярости стиснул зубы и уже протянул руку, собираясь содрать проклятый красный лист, но в этот момент из дверей конторы показался бухгалтер Чжан.

В руках бухгалтер Чжан держал стопку учетных книжек.

— Спокойно, товарищи, без паники! — зычно крикнул он, успокаивая разволновавшихся людей. — Сейчас все проверим. Ни один ваш трудодень не пропадет, у меня и у заместителя капитана все записано, все дубликаты на руках.

— Так проверь скорее! — зашумели крестьяне. — У нескольких семей цифры вообще не бьются!

Бухгалтер Чжан углубился в расчеты. Спустя несколько минут он вынес вердикт:

— Ошибки закрались в ведомости шести дворов. Сейчас все исправлю.

Толпа облегченно вздохнула.

Ли Цяньцзинь подскочил к нему, бесцеремонно вырвал из рук тетрадь и грубо прикрикнул:

— Бухгалтер Чжан, вы что творите?! У вас ведь были чистые, разборчивые книжки, почему вы мне их не дали? Подсунули какую-то мазню, там половины цифр не разобрать! Из-за вас я и наделал ошибок, вы во всем виноваты!

Бухгалтер Чжан был старым кадром артели. Сам на рожон никогда не лез, но и себя в обиду не давал. Если его допечь, он мог осадить даже самого капитана Ли Маньфу, не говоря уж о сопливом юнце.

Услышав, как этот щенок пытается переложить на него вину, Чжан презрительно усмехнулся:

— Ты хоть немного головой-то подумай, прежде чем рот разевать. Разве это я выдавал тебе книжки? Кто выдал — к тому и иди с претензиями! Ишь, раскудахтался, на старших кричать вздумал. Мал еще, поучись сначала вежливости!

Ли Цяньцзинь словно ушатом холодной воды окатило. Он только сейчас вспомнил, что тетради им раздавал Лю Вэйго.

«Крестинушка безрукий!» — мысленно взвыл парень, сжимая кулаки. Этот бестолковый помощник умудрился завалить такое простое дело. Он же должен был подсунуть неразборчивую мазню Хань Дую, так какого черта она оказалась на его собственном столе?!

Ли Цяньцзинь развернулся и бросился в контору искать Лю Вэйго. Тот как раз поспешно выходил на улицу. Завидев перекошенное от злости лицо парня, заместитель капитана сразу все понял.

Под прицелом десятков любопытных глаз оправдываться было неудобно, поэтому он поспешил тихонько его успокоить:

— Цяньцзинь, послушай... Во всем виноват прежний учетчик. Он старик уже, видит плохо, вот и наставил каракулей. А я закурился с делами и совсем забыл вас предупредить.

Ли Цяньцзинь шел сегодня на работу с единственной целью — утереть нос Хань Дую и выставить его дураком перед всей деревней. А в итоге сам сел в лужу под общий хохот. Злость душила его, кровь бросилась в лицо. Вытаращив глаза на Лю Вэйго, он в ярости выпалил, не

выбирая выражений:

— Да ты вообще хоть на что-то годен, Лю Вэйго?! Только и умеешь, что перед моим отцом на задних лапках скакать?!

Толпа замерла в оцепенении. Все знали, кто кому прислуживает, но услышать такое в лицо при всем честном народе — это перебор. Как-никак Лю Вэйго занимал пост заместителя капитана и годился Ли Цяньцзиню в отцы, а этот невоспитанный наглец обошелся с ним как с дворовой собакой.

Лицо Лю Вэйго мгновенно налилось багровым цветом. Он, заместитель капитана, второе лицо в артели, повелевающий сотнями людей! Одно дело — сносить придирки самого Ли Маньфу, но терпеть унижения от его сопливого сынка? Да кто он вообще такой?!

Почувствовав на себе устремленные взгляды односельчан, Лю Вэйго решил, что молчать больше нельзя — нужно во что бы то ни стало спасти остатки авторитета. Он повысил голос почти до крика:

— Ли Цяньцзинь! Я твой начальник и старший товарищ! Выбирай выражения, когда разговариваешь со мной! Если до сих пор не научился дисциплине и уважению к кадрам, отправляйся домой и сиди там под юбкой у матери! Я умываю руки, делайте что хотите!

С этими словами оскорбленный заместитель резко развернулся и ушел прочь, гневно хлопнув дверью.

Ли Цяньцзинь растерялся. До него наконец дошло, что он перегнул палку. Одно дело — презирать Лю Вэйго в душе, и совсем другое — оскорбить его прилюдно. Парень приоткрыл было рот, чтобы вернуть его и извиниться, но гордость не позволила пойти на попятную перед толпой. Так он и стоял, провожая Вэйго растерянным взглядом.

Бухгалтер Чжан наблюдал за этой сценой с нескрываемым удовольствием, словно за представлением в театре. Когда занавес опустился, он не спеша повернулся к парню:

— Цяньцзинь, уж извини старика за прямоту, но тебе бы у отца поучиться уму-разуму. Ладно, иди домой, пообедай. А ведомость я сам перепишу.

Ли Цяньцзинь угрюмо буркнул что-то невнятное в ответ. Ему и самому не терпелось поскорее убраться отсюда, подальше от насмешливых и презрительных взглядов односельчан.

Стоило Ли Цяньцзиню сделать несколько шагов, как его догнал Хань Дуй. На его лице сияла самая невинная улыбка:

— Цяньцзинь, надо же, как неловко вышло! Может, ну его, этот обед? Не переживай, я человек

слова — обещал не обзывать тебя щенком, значит, не буду.

Ли Цяньцзинь смерил его убийственным взглядом. Хань Дуй лишь весело сощурился, пропуская эту ярость мимо ушей.

Помолчав пару секунд, Ли Цяньцзинь сквозь зубы процедил:

— Иди один. Я дам тебе денег и купоны на еду.

Он запустил руку в карман, выгреб горсть мелочи вместе с мятыми талонами и сунул их сопернику под нос. Хань Дуй деловито пересчитал добычу, аккуратно отделил четыре мао и купон на полцзиня зерна, а остальное вложил обратно в руку Ли Цяньцзиня.

— Вот этого вполне хватит, лишнего мне не надо. Спасибо за угощение, Цяньцзинь! Бывай!

Сунув выигрыш в карман, Хань Дуй легкой, почти летящей походкой зашагал прочь, оставив позади скрежещащего зубами соперника.

Хань Дуй направился в небольшую государственную столовую при Седьмом отряде. Там он взял порциюпельменей со свиной и джусаем весом в полцзиня. В прежней жизни он этой мясной пищей объедался до тошноты, а теперь, надо же, соскучился. Поскольку своей посуды у него с собой не было, он одолжил у одного из местных крестьян алюминиевый судочек и довольный поспешил домой.

К его приходу домашние уже вовсю обсуждали утреннее происшествие в конторе — слухи в деревне разлетались быстрее ветра.

Чэнь Юэсян с порога накинулась на сына с расспросами:

— Сяо Жуй, сынок, люди болтают, будто этот Ли Сяофа в расчетах запутался, а у тебя все сошлось тютельница в тютельница? Правда, что ли?

Хань Дуй с улыбкой кивнул.

— Вот умница! — так и расцвела мать. — Весь в нашу родню пошел, у Чэней всегда голова хорошо варила. Я ведь тоже в уме моментально все складываю.

Хань Дахуа приоткрыл было рот, желая возразить, но вовремя прикусил язык. Спорить с женой себе дороже, да и чего греха таить — Ханьцы умом и сообразительностью никогда особо не блистали.

Старший брат, Хань Ган, тоже не упустил случая вставить веское слово:

— Сяо Жуй, раз ты так лихо утер ему нос, на тебя теперь, небось, все деревенские девчата и молодухи засматриваются?

Хань Дуй только молча покачал головой.

Чэнь Юэсян зыркнула на старшего сына и ответила за младшего:

— А как же иначе? Конечно, засматриваются!

Только тогда Хань Ган довольно ухмыльнулся, словно сам совершил этот подвиг.

Хань Мэй и Хань Чжу испуганно переглянулись и подошли ближе.

— Ты-то молодец, — вздохнула Хань Чжу, — да только Сяофа из тех, кто никогда своих ошибок не признает. Он теперь на тебя всех собак повесит и люто возненавидет.

На лице Хань Мэй тоже отразилась тревога:

— И что нам теперь делать? Беда ведь будет...

— Спокойно, сестрицы, — замахал руками Хань Дуй, — не пропадем. Вы лучше мне доверяйте. А теперь — к столу, пока горяченькие! Смотрите, что принес!

Внимание домашних уже давно было приковано к алюминиевому судочку. Услышав слово «пельмени», все так и замерли.

— Откуда у тебя такое богатство? — наперебой заголосили они.

Больше всех занервничал Хань Ган. Перепугавшись за свои сбережения, он завопил:

— Сяо Жуй! Ты что, спустил мои кровные в столовой?! Мы же договаривались! Это же мой «целевой фонд» на женитьбу, ты сам так сказал!

Остальные члены семьи уставились на него с полным недоумением. Какой еще фонд? Какая женитьба?

Чэнь Юэсян и Хань Дахуа вопросительно уставились на младшего сына. Тот поспешил все прояснить:

— Да вы не думайте ничего такого! Брат просто решил меня поддержать на новом месте. Мало ли какие расходы у молодого кадра в первый день? Вот он и выделил мне беспроцентную ссуду из своих запасов. Ведь если я прочно укреплюсь в конторе, авторитет нашей семьи вырастет, и ему будет куда проще найти себе невесту. Так что это самые настоящие инвестиции в его будущее счастье! Ладно, давайте налетайте на пельмени. Тут как раз каждому по три штучки выйдет. А где наши постояльцы, Юнцзинь и Юньфэй? Зовите их скорее к столу, на всех хватит.

На тарелки разложили по три пельменя на брата. На лицах Ханьцев разлилось блаженство. Мясное угощение в этих краях видели разве что по большим праздникам да на Новый год, так что сочные пельмени казались верхом кулинарного искусства. А уж когда Хань Дуй в красках расписал, как выиграл этот обед в споре с Ли Сяофа, угощение показалось домашним еще вкуснее — ведь сладкий вкус победы приправлял каждый кусочек.

Отодвинув пустую тарелку, Хань Дахуа веско резюмировал утренний скандал:

— Эх, далеко еще сопляку Сяофа до отца. Ли Маньфу хоть и прохиндей первостатейный, но лицо держать умеет, комар носа не подточит. А этот дурень всю глупость напоказ выставил.

— Да просто избаловали парня, — отмахнулась Чэнь Юэсян. — Впрочем, дело житейское. Приедет старик Маньфу — живо хвосты занесет и все уладит.

После обеда Хань Дуй заглянул в комнату к Чжао Юнцзиню и Цзян Юньфэйю. Молодые люди устроились неплохо: в комнате царил образцовый порядок, вещи лежали по местам. На письменном столе выстроилась внушительная стопка книг: собрания сочинений Председателя, труды Маркса и Энгельса, а также несколько популярных патриотических романов.

Хань Дуй с интересом уставился на эту бумажную гору. Заметив его интерес, Чжао Юнцзинь дружелюбно улыбнулся:

— Сяо Жуй, если хочешь, выбери парочку книг почитать. Будем делиться знаниями, так сказать, наводить мосты дружбы.

— С удовольствием, — кивнул тот.

Немного поразмыслив, он вытянул из стопки два тома партийных трудов.

Устроившись поудобнее, Хань Дуй вернулся к утреннему разговору:

— Юнцзинь, ты ведь утром что-то хотел со мной обсудить, да нас прервали.

Лицо Чжао Юнцзиня приняло озабоченное выражение:

— Да тут такое дело... Мы с Юньфэем хотели решить вопрос с питанием. Нам самим готовить или лучше к вашему столу пристроиться? И если вместе обедать, то сколько зерна и продуктов мы должны отдавать в общий котел?

— А готовить-то вы умеете? — поинтересовался Хань Дуй.

Оба парня дружно помотали головами:

— Да не особо...

— Тогда учтите, — добавил Хань Дуй, — в деревне у нас ни газовых баллонов нет, ни плит приличных. Все готовят по старинке, на дровах. Если решите кашеварить сами, я попрошу братьев соорудить вам в сарае навес, сложить там глинобитную печь, ну а котел и утварь вам придется привезти самим.

Постояльцы растерянно переглянулись. Наконец Чжао Юнцзинь вздохнул:

— Пожалуй, лучше мы будем столоваться у вас. Ты только прикинь, сколько с нас причитается, и мы все отдадим.

— Ладно, дело не к спеху, — успокоил их Хань Дуй. — Я поговорю с матерью, пусть она поспрашивает в конторе, какие нынче расценки. Сделаем все по справедливости, как у людей принято.

Поболтав еще немного, Хань Дуй засобиравшись обратно на службу. К послеобеденной смене он подготовился куда основательнее: помимо обязательного блокнота и авторучки, он захватил из дома эмалированную кружку для чая, а в карман припрятал пачку дорогих сигарет, которые ему презентовали городские ребята.

По пути в контору он первым делом завернул в Седьмой отряд, чтобы вернуть посуду владельцу. Хозяином судочка оказался местный парень по имени Хун Чаншань — рослый, чернокожий крестьянин с зычным голосом. Хань Дуй в знак благодарности угостил его тремя отменными сигаретами. Чаншань расплылся в улыбке до ушей:

— Ну, братец Хань, спасибо! Хоть наши отряды и не близко, ты заглядывай ко мне, как время будет. Спросишь в деревне Хун Чаншаня — любой дорогу покажет!

— Договорились! — рассмеялся Хань Дуй. — Ты тоже ко мне заходи. Я теперь при конторе обретаюсь, трудодни учитываю.

Прощавшись по-дружески, Хань Дуй пошел дальше.

Вернувшись в контору, Хань Дуй сначала заглянул в соседний кабинет, чтобы налить себе кипятку. Там сидели только бухгалтер Чжан и Хэ Ци. Хань Дуй вежливо поздоровался и протянул обоим по сигарете.

Хэ Ци с удовольствием затянулся ароматным дымом и похвалил:

— Хорош табачок, ничего не скажешь!

Бухгалтер Чжан согласно кивнул, посасывая свою сигарету.

Хань Дуй твердо решил наладить с ними контакт, но торопить события не собирался. В таком деле излишняя навязчивость вредит — люди быстро почуют корысть и начнут смотреть свысока. Так что он просто немного поболтал о всякой чепухе и с кружкой в руках удалился в свой скромный уголок.

До начала работы оставалось еще немного времени, и он, не теряя минут даром, прибрал свою половину кабинета: подмел пол и начисто протер пыльное оконное стекло.

Ровно в два часа дня в конторе появились Ли Маньфу, Лю Вэйго и Ли Цяньцзинь. Хань Дуй украдкой понаблюдал за их мимикой. Судя по всему, капитан Ли уже провел с помощником разъяснительную беседу и как-то замял конфликт — внешне мужчины держались вполне дружелюбно.

Призвав всех к порядку, Ли Маньфу строго зыркнул на сына:

— Цяньцзинь, а ну-ка давай при всех извинись перед дядей Вэйго еще раз за свои утренние художества.

Парень понурил голову и негромко промямлил:

— Дядя Вэйго, простите меня... Я глупость сморозил.

Лю Вэйго великодушно замахал руками и заулыбался:

— Да ладно тебе, пустое! Молодой еще, кровь горячая.

Хань Дуй лишь мысленно хмыкнул.

«Ничего себе ребенок!»

Парню уже за двадцать перевалило. В эти годы деревенские парни всю женились, а у иных

уже по двое ребяташек по двору бегало. И надо же — «ребенок»!

— Вот именно потому, что молодой, его и нужно строго направлять! — веско вставил Ли Маньфу. — Мы обязаны растить сознательные кадры для общества и государства. Цяньцзинь, сегодня после работы лично зайдешь к дяде Вэйго домой и принесешь официальные извинения.

Хань Дуй понимал: это чисто показуха для односельчан.

Ли Цяньцзинь недовольно зыркнул на отца. Мол, при всех уже извинился, зачем еще домой тащиться? Но Ли Маньфу возражений не терпел.

— Сказано — сделано! — отрезал он, припечатав ладонью по столу. — Еще раз увижу подобное свинство — лично шкуру спущу.

Ли Маньфу метал громы и молнии, а Лю Вэйго притворно его успокаивал. Так, благодаря жесткой руке капитана, утренний скандал замяли.

Бухгалтер Чжан тем временем вывесил на стену обновленную, чистую ведомость. Обсчитанные хозяева проверили свои цифры, убедились, что теперь все верно, и успокоились.

Но Ли Маньфу на этом не остановился. Чтобы окончательно вернуть доверие масс, он заставил Ли Цяньцзиня прилюдно повиниться перед каждой из шести пострадавших семей.

Следом слово взял Лю Вэйго, решив сгладить углы перед народом:

— Товарищи, тут ведь дело какое... Некоторые старые учетные книжки заполнены крайне неразборчиво. Там порой семерку от девятки не отличишь, мы с бухгалтером Чжаном сами головы ломали, вспоминали всем миром, кто сколько отработал. Утром я выдал ребятам по стопке этих тетрадей, велел составить общую ведомость и сказал обращаться, если возникнут вопросы. Так вышло, что Цяньцзиню достались самые запущенные записи. Мальчик первый день на службе, постеснялся спросить старших товарищей, вот и запутался. Просим простить его за эту оплошность, впредь мы будем строго за ним присматривать.

В этой слащавой речи крылся тонкий намек: мол, обоим выдали смесь хороших и плохих записей, но Хань Дуй ушмыгнул, забрав себе все чистые тетрадки, а бедному Цяньцзиню остался один неразборчивый хлам. Вот почему один молодец, а второй пострадал без вины.

Хань Дуй отреагировал мгновенно.

«Ишь, лазейку нашел! Хотят на меня вину спихнуть? Черта с два!»

Он деликатно кашлянул и громко, чтобы все слышали, произнес:

— Заместитель капитана, вы абсолютно правы! И в случившемся есть и моя доля вины. Мне ведь тоже досталась уйма неразборчивых тетрадей, я еще несколько раз подходил к вам за разъяснениями. Но моя ошибка в том, что я проявил эгоизм — корпел над своими бумагами и не догадался помочь товарищу Цяньцзиню. Да и ведомость его не проверил перед сдачей. Обещаю исправиться! Впредь я буду внимательнее относиться к товарищам и обязательно помогу Ли Цяньцзиню подтянуться, чтобы мы шли к успеху рука об руку.

Ли Маньфу и Лю Вэйго аж поперхнулись.

«Подтянуться? Да кто ты такой, чтобы его опекать?!»

А вот у крестьян в головах выстроилась совсем другая логика. Хань Дуй ведь моложе Ли Цяньцзиня, оба только-только пришли в контору. И при этом один уже готов проверять работу другого и вести его за собой! М-да, сразу видно, кто тут настоящий работник, а кто балласт. Разница налицо.

Ли Маньфу смерил Хань Дуя тяжелым взглядом, но быстро взял себя в руки и звучно произнес:

— Товарищ Хань Дуй, твоя сознательность делает тебе честь. Объявляю тебе устную благодарность за товарищескую чуткость. Однако пролетарский кодекс учит нас: отвечать нужно строго за свое дело. Ошибку допустил Ли Цяньцзинь, и перекладывать ответственность на других мы не позволим. На этом вопрос закрыт. Расходитесь по рабочим местам, товарищи, не сорвем дневной план!

Хань Дуй согласно закивал и приветливо помахал рукой односельчанам:

— Наш капитан совершенно прав! Недоразумение улажено, возвращайтесь к работе со спокойной душой!

Люди, переговариваясь, стали неспешно расходиться.

Ли Маньфу, заложив руки за спину, зашагал в свой кабинет и созвал сотрудников на пятиминутку. Он выложил на стол толстую пачку печатных брошюр:

— Из уезда прислали новые материалы. Будем внедрять передовой опыт Дачжая. Цяньцзинь, Хань Дуй, вы оба должны досконально изучить эти документы. Напишите по подробному конспекту-докладу, а через несколько дней выступите с лекциями перед членами коммуны. Разъясните людям политику партии.

Хань Дуй спокойно принял стопку бумаг, бегло просмотрел заголовки и убрал в сумку.

Лю Вэйго тут же подхватил инициативу капитана:

— Товарищ капитан, утренний случай наглядно показал, что нашей молодежи пока не хватает практической закалки на земле. Предлагаю прямо с сегодняшнего дня отправить их в поле — пусть ведут учет трудодней непосредственно на полянках. А старина Чжан присмотрит за ними, чтоб дров не наломали.

Бухгалтер Чжан лениво приподнял веки и сухо процедил:

— Как решите, мне все равно.

Лю Вэйго поспешил вставить еще одно условие:

— Да, и еще одно. Чтобы избежать кривотолков и обвинений в кумовстве, пусть товарищ Сяо Хань при подсчете трудодней держится подальше от Ханьцев, а Цяньцзинь — от Ли. Так будет честно и по-советски.

При этих словах бухгалтер Чжан и Хэ Ци сочувственно покосились на Хань Дуя. Уж они-то прекрасно знали, что представляет собой семейка Ли. Пользуясь покровительством капитана Ли Маньфу, его многочисленные родственники обнаглели в край: на полях они откровенно лоботрясничали, но при этом требовали записывать им максимальные трудодни. Стоило учетчику проявить принципиальность — поднимали такой крик, что святых выноси. Даже выдавший виды бухгалтер Чжан старался с ними не связываться, а тут под раздачу подставляли неопытного новичка.

Ли Маньфу оглядел притихших парней и строго спросил:

— Вопросы, возражения по распределению обязанностей есть?

— Никаких возражений, товарищ капитан! — бодро отчеканил Ли Цяньцзинь, предвкушая, как Хань Дуй завязнет в скандалах с его родней.

Хань Дуй лишь тепло улыбнулся:

— Полностью согласен, работа отличная.

«Тоже мне, напугали ежа... — мысленно усмехнулся он. — Ишь, раздулись от собственной важности. Ничего, у меня на каждого спесивца управа найдется. Живо всю спесь посбиваю!»

<http://bllate.org/book/19655/1996586>